

Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ.
Сочиненіе П. Полеваго. Спб. 1872.

Книга г. Полеваго представляется намъ первую попыткою восполнить одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ нашей книжной литературы. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ еще у насъ не было ни одной хоть сколько нибудь сносной исторіи литературы, написанной не для ученыхъ и педагогическихъ цѣлей, а для чтенія публики. Мы имѣемъ нѣсколько порядочныхъ руководствъ для класснаго преподаванія по этой части, каковы учебники гг. Водовозова и Стоюнина. Мы имѣемъ затѣмъ безобразнѣйшій сборникъ сырыхъ матеріаловъ, кое-гдѣ освѣщенный взглядами времянъ очаковскихъ и покоренія Крыма, въ видѣ „Исторіи русской словесности“ г. Галахова. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ историко-литературныхъ монографій, біографій, критическихъ обзорнѣй, но такого сборника, который представлялъ бы полный, систематическій сводъ исторіи литературы съ древнѣйшихъ временъ и до новѣйшихъ, который въ общедоступномъ изложеніи знакомилъ бы публику съ главными литературными памятниками различныхъ временъ и съ существенными чертами жизни передовыхъ литературныхъ дѣятелей въ связи съ духомъ того или другаго вѣка,—такого сборника у насъ еще не было, и мысль г. Полеваго удовлетворить этой потребности мы считаемъ какъ нельзя болѣе полезною.

Для выполненія этого предпріятія г. Полевой принялъ за образецъ подобнаго рода изданія на Западѣ — именно „Энциклопедію англійской литературы“ Чемберса и „Исторію нѣмецкой литературы“ Курца. Планъ подобнаго рода изданій весьма простъ, поэтому онъ и представляется наиболѣе пригоднымъ для популярнаго, общедоступнаго изложенія исторіи литературы; изъ каждаго вѣка выбираются наиболѣе крупныя представители литературы; представляется краткій, но обстоятельный очеркъ ихъ жизни, въ связи съ жизнію ихъ вѣка, характеризуются главныя ихъ произведенія, наиболѣе имѣвшія значенія въ свое время, затѣмъ приводятся отрывки и образцы изъ этихъ произведеній. Такимъ образомъ изданіе, безъ всякихъ претензій на ученые изысканія, представляетъ въ одно и то же время и сводъ біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ, и краткіе критическіе разборы важнѣйшихъ памятниковъ литературы, и хрестоматію, служащую для нагляднаго ознакомленія съ этими памятниками.

Подобный планъ до извѣстной степени удачно выполнилъ г. Полевой. Книга его представляетъ массивный томъ въ 675 страницъ компактной, мелкой печати; томъ этотъ украситъ 70 изящными полиטיפажамъ, изображающими всѣхъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашей новой литературы и изъ допетровской тѣхъ, какіе только дошли до насъ, виды многихъ мѣстностей, зданій, памятниковъ, такъ или иначе соприкасаю-

щихся съ исторіею литературы, образцы письменности различныхъ вѣковъ и пр.

Допетровский періодъ занимаетъ въ книгѣ г. Полеваго 20 главъ — треть всей книги. Достоинство этого отдѣла заключается въ томъ, что г. Полевой нигдѣ не опускаетъ связи литературныхъ явленій съ исторіею народа въ этотъ періодъ. Читая очерки г. Полеваго, вы встрѣчаете не безобразную массу лѣтописей, житій, апокрифовъ, поученій, и не путаетесь въ лабиринтахъ всякаго хлама и сырья. Напротивъ того, вы различаете ясно различные элементы литературнаго движенія допетровской Руси; вы видите, какъ, несмотря на преобладающій гнетъ духовной литературы, являлись постоянныя попытки создавать свѣтскую литературу подъ различными вліяніями, то византійскими, то западными, то чисто народными, какъ эти попытки то падали подъ давленіемъ историческихъ невзгодъ, то снова возникали при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Такъ напримѣръ, г. Полевой весьма обстоятельно обрисовываетъ намъ, въ VI главѣ, то губительное вліяніе, какое имѣло на первые проблески свѣтской литературы татарское иго. Столь же прекрасно характеризуетъ г. Полевой XVI вѣкъ, какъ вѣкъ самаго полнаго самодовольства, возведенія въ идеаль всѣхъ основъ современнаго быта и вслѣдствіе этого крайней неподвижности и китайской замкнутости.

„Не станемъ вдаваться, говорить онъ, ни въ какія историческія подробности, которыя могли бы обрисовывать намъ мрачную картину общественной жизни на Руси въ XVI вѣкѣ; замѣтимъ только, что время, воспитавшее такую страшную личность правителя, какъ Іоаннъ Грозный, обставившее его не менѣе грозными исполнителями его воли, и рядомъ съ нимъ воспитавшее то общество, которое способно было почти полнѣеа сносить всѣ ужасы его правленія — время это являлось совершенно органическимъ слѣдствіемъ всего предшествовавшаго московскаго періода русской исторіи.

„И дѣйствительно, въ то время, какъ политическія обстоятельства способствовали тому, чтобы власть, сосредоточенная въ рукахъ великихъ князей московскихъ, начиная съ Іоанна III, возрастала до крайнихъ предѣловъ, около нихъ не развивалась въ обществѣ никакая сила разумная, которая бы способна была направить эту громадную власть на благо и пользу народа, которая бы ограждала ее отъ самообольщенія. Въ обществѣ не было никакой самобытной жизни, никакихъ положительныхъ интересовъ, никакого уваженія къ человѣческой личности, никакого общественнаго мнѣнія, которое бы способно было противодѣйствовать злоупотребленіямъ власти или строго относиться къ дѣятельности тѣхъ, кого она выбрала орудіями своими. Русское общество очевидно дошло, въ началѣ XVI вѣка, до крайняго предѣла въ развитіи тѣхъ началъ, которыя руководили его жизнію до этого времени, и, окруженное ото-

всюду самыми неблагоприятными условиями для дальнейшего своего развития, огражденное от влияния Европы враждебными и недоброжелательными соседями, оно должно было довольствоваться только тѣмъ, что выработывалось въ его собственной средѣ, его собственными скудными средствами. Отсюда, въ нѣкоторой части общества, которая болѣе была способна къ апатии и застою, стало развиваться ложное и высокомерное понятіе о значеніи и достоинствахъ русскаго, какъ несомнѣнно образцоваго, не требующаго никакихъ измѣненій, и рядомъ съ этимъ убѣжденіемъ — отвращеніе ко всему иноземному, недовѣріе и опасеніе по отношенію ко всякой новизнѣ, хотя бы и очевидно полезной... Но, въ противоположность этимъ крайнимъ убѣжденіямъ, мы видимъ въ XVI вѣкѣ зарождающееся меньшинство, которое ни мало не склонно сочувствовать этимъ взглядамъ и даже смѣло рѣшается выступить на борьбу съ ними. Меньшинство это, какъ мы сейчасъ увидимъ, развивается подъ влияніемъ нѣкоторыхъ случайныхъ условий, нѣкоторыхъ отдаленныхъ отголосковъ того громаднаго прогрессивнаго движенія, которое руководило всею Европою въ XV и XVI вѣкахъ, и которое извѣстно подъ названіемъ „Эпохи Возрожденія“.

Какъ на несомнѣнное достоинство перваго отдѣла, мы можемъ указать также и на то, что г. Полевой нигдѣ не приводитъ образцы и отрывки изъ литературныхъ памятниковъ допетровской Руси на церковно-славянскомъ языкѣ, вѣрно разсчитывая, конечно, что онъ издастъ не учебникъ для преподаванія ученикамъ гимназій церковно-славянскаго языка и что публика, конечно, не прочла бы всѣ эти образцы, еслибы они представлены были ей на томъ самомъ неудобочитаемомъ языкѣ, какимъ писали ея предки; на этомъ основаніи всѣ церковно-славянскіе памятники представлены г. Полевымъ въ переводахъ или переложеніяхъ на русскій языкъ. Но въ этомъ первомъ отдѣлѣ вы найдете и нѣкоторые недостатки, которыхъ желательно было бы не видѣть въ такомъ солидномъ трудѣ. Начнемъ съ того, что этотъ отдѣлъ вышелъ нѣсколько суховатъ, и сухость эта зависить, по нашему мнѣнію, не отъ одного того, что самый предметъ этого отдѣла, т. е. наша допетровская литература имѣетъ характеръ схоластической сухости и мертвенности, но и оттого, что г. Полевой недостаточно глубоко взглянулъ на нѣкоторые литературныя явленія этого періода и недостаточно рельефно очертилъ нѣкоторые личности. Для примѣра возьмемъ хоть XV вѣкъ и роль Іосифа Волоцкаго въ этомъ вѣкѣ. У г. Полеваго весьма блѣдными и неопредѣленными красками обрисованъ духъ того крайняго антагонизма, который господствовалъ между Іосифомъ Волоцкимъ съ одной стороны, сектою жидовствующихъ и Ниломъ Сорскимъ — съ другой. — Въ этомъ антагонизмѣ мы видимъ явленіе, во многихъ отношеніяхъ аналогическое съ тѣмъ реформационнымъ движеніемъ, какое происходило въ то время на Западѣ и, безъ сомнѣнія, вызванное послѣднимъ. Какъ въ сектѣ

жидовствующихъ, такъ и въ пропагандѣ Нила Сорскаго, мы видимъ стремленіе къ возрожденію духовенства въ духѣ чистаго, идеальнаго христіанства, въ то время какъ Іосифъ Волоцкій со своимъ отстаиваніемъ земнаго могущества духовенства, со своимъ стремленіемъ утвердить за духовенствомъ владѣтельныя права, всегда согласовался съ настроеніемъ католичества на Западѣ. Г. Полевой совершенно напрасно объясняетъ стремленіе къ жестокости Іосифа Волоцкаго однимъ варварствомъ его времени. Онъ забываетъ, что съ одной стороны то же время допускало въ противникахъ Іосифа сознательную оппозицію противъ его жестокостей на основаніи ученія Христова о любви и смиреніи; съ другой стороны Іосифъ Волоцкій въ своихъ оправданіяхъ жестокостей въ преслѣдованіяхъ еретиковъ прямо ссыался на примѣръ западнаго духовенства съ его инквизиціей. Полѣднее обстоятельство весьма характеристично, и очень жалко, что его опустили г. Полевой; оно проливаетъ обильный свѣтъ на все движеніе умовъ въ нашемъ духовенствѣ въ XV вѣкѣ подѣ влияніемъ реформаціоннаго движенія на Западѣ. Приверженець земнаго могущества духовенства, грозный деспотъ въ своей паствѣ, свирѣпый преслѣдователь противниковъ, проповѣдующій инквизицію по образу римской, въ то же время хитрый интриганъ при дворѣ—Іосифъ Волоцкій представляется намъ весьма яркою личностью своего времени. У Г. Полеваго же онъ какъ-то ступовывается въ видѣ строгаго, но благаго пастыря, заботящагося объ единствѣ церкви и впадающаго въ рядъ жестокостей, оправдываемыхъ всеобщимъ варварствомъ его вѣка. Г. Полевой не обращаетъ при этомъ вниманія и на то, что у этого инквизитора російскаго издѣлія проглядываютъ мѣстами иронія чисто Ивана Грознаго. Г. Полевой самъ же приводитъ слѣдующія слова Іосифа: „если кто изъ нихъ (т.-е. еретиковъ) хочеть покаяться, можетъ сдѣлать это и въ темницѣ: среди скорбей и бѣдъ Богъ еще болѣе слышитъ кающихся“. Г. Полевой почему-то видитъ въ этихъ словахъ одну только недовѣрчивость Іосифа къ раскаянію еретиковъ. Между тѣмъ, какъ въ сущности чѣмъ же отличаются эти слова отъ слѣдующихъ пролическихъ словъ, писанныхъ къ Курбскому: „если ты праведенъ и благочестивъ, почему-же не изволилъ ты отъ меня, строптиванаго владыки, пострадать и вѣнецъ жизни (вѣчной) наслѣдовать“!...

Кстати объ ироніи Ивана Грознаго. Характеризуя литературную дѣятельность этого гуманнаго литератора XVI вѣка, г. Полевой впадаетъ въ противорѣчія, которыя могутъ сбить совершенно съ толку читателя, неимѣющаго своего собственнаго понятія о сочиненіяхъ Іоанна Грознаго и желающаго познакомиться съ ними изъ книги г. Полеваго. На 139-й страницѣ мы читаемъ: „Эта иронія, ловко скрытая подѣ покровомъ вниманія спокойствія, отгвняющая всѣ сужденія и доводы Іоанна, представляетъ собою лучшую, наиболѣе видную и замѣчательную

сторону всѣхъ сочиненій его". Но переверните нѣсколько страницъ, и вы видите совершенно иное: Иоаннъ (см. стр. 144) при несомнѣнномъ своемъ талантѣ литературномъ, при врожденности остроумія, все же не мастеръ писать, не мастеръ излагать литературно, потому что не прошелъ никакой правильной школы и былъ въ полномъ смыслѣ самоучка и начетчикъ; къ тому же, изложенію его много вредитъ его юрчность, которая часто заставляетъ его путаться въ словахъ, изливать мысли свои въ потокахъ страшнаго многословія, а нерядко и прибѣгать, вмѣсто всякихъ доводовъ, къ площадной брани, которою онъ, особенно въ первомъ письмѣ, нещадно осыпаетъ противника своего"...

Вотъ вы и подумайте, какъ согласовать — иронію ловко скрытую подъ покровомъ наружнаго спокойствія, съ горячностью, которая заставляетъ Иоанна путаться въ словахъ, изливать мысли въ потокахъ страшнаго многословія и вмѣсто всякихъ доводовъ раздражаться площадною бранью... Желательно было бы, чтобы въ трудѣ, исполненномъ съ несомнѣнною добросовѣстностью въ цѣломъ, не встрѣчались такіа непоследовательности, хотя бы и въ частностяхъ...

Второй отдѣлъ — занимающій двѣ трети книги и трактующій о развитіи новѣйшей литературы послѣ реформы Петра — отличается болѣею обстоятельностью, полнотою, живостью и разнообразіемъ. Какъ на особенно удавшіяся г. Полевою главы этого отдѣла, мы уважемъ на главу XXV — о Ломоносовѣ, гл. XXVII — о Карамзинѣ и гл. XXXIV — о Жуковскомъ.

Очерчивая вѣкъ Ломоносова, г. Полевой знакомитъ насъ многими характеристическими чертами литературныхъ правилъ этого вѣка. Такъ, напримѣръ, говоря о вассальныхъ отношеніяхъ русской поэзіи XVIII вѣка, г. Полевой приводитъ рядъ весьма курьезныхъ фактовъ изъ жизни Ломоносова и Тредьяковскаго.

„Что на западѣ, говоритъ онъ, при болѣе развитыхъ условіяхъ общественной жизни, могло казаться необходимымъ, неизбѣжнымъ злоупотребленіемъ поэзіи, даже и просто свѣтскимъ обычаемъ, то у насъ на Руси, при гораздо меньшемъ развитіи обществённости, проявлялось въ грубой формѣ обязательныхъ служебныхъ отношеній поэта къ придворной жизни или къ лицамъ, занимавшимъ важное положеніе въ современномъ обществѣ. Ни дворъ, ни вельможи съ поэтами не церемонились; имъ просто приказывали черезъ ближайшее начальство обрабатывать извѣстныя темы и при этомъ еще стѣсняли ихъ даже и срокомъ. Біографія Ломоносова представляетъ намъ цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ фактовъ такого обязательнаго исправленія должности придворнаго поэта. Такъ напримѣръ, въ 1748 г. 20-го апрѣля, въ журналѣ конференціи академіи наукъ записано было: „Къ профессору Ломоносову послать ордеръ, чтобы оной присланные изъ артиллеріи къ иллюминаціи апрѣля къ 25-го

числу стихи перевелъ стихами на російскій языкъ и конечно сего апрѣля, 25-го числа, по переводѣ, внесъ въ канцелярію“.

Стихи были нѣмецкіе и принадлежали перу совѣтника Штелина, и видно, что перевести ихъ на русскій языкъ было не легко, потому что, тотчасъ по полученіи ихъ, Ломоносовъ обратился къ секретарю академіи, Теплому, съ слѣдующимъ письмомъ:

„Хотя должность моя и требуетъ, чтобы по присланному ко мнѣ ордеру *сдѣлать стихи* съ нѣмецкова; однако я того исполнить не могу, для того, что въ нѣмецкихъ строкахъ нѣтъ ни складу, ни ладу; и такъ такимъ переводомъ мнѣ себя пристыдить не хочется и весьма досадно, чтобы такую глупость перевели на русскій языкъ“...

Тепловъ отвѣчалъ на это письмо Ломоносова почти выговоромъ... „письмо ваше такъихъ экспресій наполнено, которыя предосудительны чести г. совѣтника Штелина: берегитесь, чтобы вы ему не досадили: писать всякъ на сколько можетъ и въ разсужденіи, какъ кто хочетъ“...

И несмотря на эти возраженія, несмотря на то, что вмѣсто перевода чужихъ стиховъ, Ломоносовъ предлагалъ сочинить новыя стихи, ему все-же не удалось избавиться отъ перевода нѣмецкихъ стиховъ, сочиненныхъ Штелинымъ.

29-го сентября 1750 г. въ канцеляріи академіи полученъ былъ еще болѣе курьезный ордеръ, присланный самимъ президентомъ академіи, графомъ К. П. Разумовскимъ:

„Ея императорское величество государыня пзустнымъ своимъ имяннымъ указомъ изволила мнѣ повелѣть, чтобы профессорамъ Тредьяковскому и Ломоносову *сочинить по трагедии* и о томъ имъ объявить въ канцеляріи. И какія къ тому потребны имъ будутъ книги изъ бібліотеки, оныя выдать съ роспискою и по окончаніи того возвратить въ бібліотеку по прежнему“.

На основаніи этого ордера, запасливый Тредьяковскій уже 2-го октября потребовалъ „для сочинителей трагедіи книгъ и писчей бумаги“. Результатомъ этого ордера со стороны Ломоносова была его первая трагедія „Темпра и Селимъ“, которая однакоже представлена была ко двору не ранѣе, какъ лѣтомъ слѣдующаго 1751 года“.

Что касается характеристики Карамзина и Жуковскаго, то главное достоинство ихъ въ совершенно новомъ и оригинальномъ взглядѣ на этихъ литературныхъ дѣятелей г. Полеваго, радикально отличающемся отъ того колѣнопреклоненнаго благоговѣнія, съ которымъ біографы относятся обыкновенно къ этимъ корифеямъ русской литературы. Г. Полевой весьма вѣрно и мѣтко связываетъ сентиментализмъ Карамзина съ его славянофильствомъ и выводитъ всѣ обскурантныя взгляды его прямо изъ того духа сентиментализма, которымъ онъ пропитался въ молодости. Особеннаго вниманія заслуживаютъ приводимые г. Полевымъ факты представленія Карамзина графу Аракчееву, слу-

жаціе прамымъ опроверженіемъ того пресловутаго мнѣнія о твердости характера Карамзина, какое часто высказывается поклонниками исторіографа. На Жуковскаго г. Полевой совершенно справедливо смотритъ не какъ на родоначальника романтизма, а какъ на послѣдняго представителя идей и школы Карамзина. Читая біографію Жуковскаго, вы такъ и видите передъ собой изнѣженнаго, сентиментальнаго барича, живущаго исключительно въ мірѣ поэтическими грезами, и въ то же время вполне чуждаго всякихъ иныхъ интересовъ жизни. Особенно характеристично описаніе поэтическихъ досуговъ Жуковскаго въ кругу милыхъ друзей въ сельскомъ уединеніи. Читая это мѣсто, такъ и видишь передъ собою доброе, старое время барскихъ прохладъ и нѣтъ, когда крѣткіе и мечтательные наши поэты, упиваясь высокими поэтическими образами, ѣ не подозрѣвали, какъ дорого иногда приходилось расплачиваться за эти образы разнымъ ихъ Петрушкамъ и Палашкамъ...

„Между Жуковскимъ и Плещеевымъ, говоритъ г. Полевой, установились совершенно особня, музыкально-поэтическія дружескія связи. Изъ Черни въ Муратово и обратно (между этими двумя усадьбами было 40 верстъ разстоянія) то и дѣло скакали гонцы съ поэтическими посланіями въ стихахъ отъ Жуковскаго къ Плещееву, на которыя Плещеевъ отвѣчалъ французскими стихами. Каждая новая пѣснь Жуковскаго тотчасъ же пересылалась къ Плещееву въ Чернь и тамъ ее полагали на музыку, а потомъ при первомъ свиданіи, либо самъ Плещеевъ декламировалъ новое произведеніе Василя Андреевича, либо жена его пѣла положенную Плещеевымъ на музыку новую пѣсню поэта, въ общему удовольствію всей родственной и неродственной публики, постоянно наполнявшей веселый и радушный чернянскій домъ. Эта художественно-поэтическая обстановка жизни Жуковскаго должна была сдѣлаться еще привлекательнѣе вслѣдствіе того, что къ ней примѣшалась и очень романтическая любовь Василя Андреевича къ старшей изъ его племянницъ и бывшихъ ученицъ — къ Маріи Андреевнѣ Протасовой. Эта любовь, конечно, нашла себѣ поддержку во всемъ окружавшемъ по-эта родственно-дружескомъ кружкѣ, исключая только самой матери Екатерины Афанасьевны, женщины твердой и рѣшительной. Когда Жуковскій попытался открыто высказать ей свои чувства къ ея дочери, она отвѣчала ему положительнымъ отказомъ, такъ какъ она считала дочь свою, Марію, племянницей Василя Андреевича, а слѣдовательно и бракъ между ними противнымъ нашему церковному закону. Отказавъ Жуковскому въ рукѣ дочери, Е. А. Протасова просила его, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы все это осталось между ними, и ни въ какомъ случаѣ не сдѣлалось извѣстно ея дочерямъ. Это произвело на Жуковскаго очень тяжелое впечатлѣніе и дало новую пищу его эгическому, печальному настроенію, его сѣтованіямъ на судьбу, на одиночество и т. п. Все это, конечно, должно было служить темою цѣлому ряду

грустныхъ романсовъ и элегій, въ которыхъ она и горькая доля поэта должны были занимать первое мѣсто. Но всѣмъ этимъ поэтическимъ изліаніямъ помѣшалъ незамѣтно наступившій 1812 годъ. Мы говоримъ — незамѣтно, потому что даже и 3-го августа 1812 года, въ Муратовѣ и Черни, друзья-сосѣди продолжали еще жить все тою же неизмѣнно художественно-поэтической жизнью, не мало ни заботясь ни о политическихъ событіяхъ, ни о бѣдствіяхъ, угрожавшихъ Россіи. 3-го августа всѣ сосѣди собрались въ Чернь, праздновать день рожденія Плещеева... На домашней сценѣ давали оперу его сочиненія... и въ тотъ же вечеръ Жуковскій пѣлъ свой новый романсъ, положенный на музыку Плещеевымъ. Романсъ этотъ былъ „Пловецъ“, который въ изданіи сочиненій Жуковскаго является подъ 1813 г. Весь романсъ былъ однимъ сплошнымъ намекомъ на недавно-испытанную неудачу и кончается желаніемъ поэта „не пережить тѣхъ ангеловъ“, около которыхъ „все дышетъ небомъ и святой невинностью“. Намеки романса не понравились Протасовой, которая видѣла въ нихъ нарушеніе обѣщанія, даннаго Жуковскимъ, и на другой же день вынудила его уѣхать изъ Муратова въ Москву и поступить въ ряды московскаго ополченія...“

Неправда ли, что въ одной этой выдержкѣ изъ біографіи Жуковскій встаетъ передъ вами какъ живой, во всей своей неподкрашенной правдѣ, весьма напоминая собою одного изъ героевъ послѣдняго романа г. Достоевскаго „Бѣсы“, какого именно—читатели и сами легко догадаются, если только читали хотя бы одну первую часть этого романа.

Намъ остается пожелать только полного успѣха книгѣ г. Полевого, а главное, чтобы дождавшись втораго изданія г. Полевой могъ исправить тѣ нѣкоторые недосмотры и недостатки, какіе могутъ найтись въ его книгѣ. Такъ напримѣръ, намъ странно показалось, что упоминая о разныхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателяхъ, помѣстивши въ своей книгѣ даже біографію и портретъ Богдановича — г. Полевой слова не упоминаетъ о Радищевѣ. Не говоря уже о томъ, что личность Радищева, какъ и его книга сами по себѣ представляются однимъ изъ характеристическихъ фактовъ эпохи Екаторины, — онѣ характеризуютъ Державина съ такой стороны, которая совершенно опущена г. Полевымъ въ біографіи пѣвца Фелицы...